

— Вера Кузьминична, в "Сказании о земле Сибирской" вы вся такая пухленькая, розовенькая и пели замечательную песенку, только слов не помню.

— Я сейчас вам ее напомним. Вначале Дружников начинал (поет):
Расскажите мне, ребята,
Как нашел себе жену. Ну?
Был шофером я в солдатах
За баранкой всю войну.
И куда я ни поеду,
Встречу девушку с флажком.
Только я начну беседу...
И тут я, голосок тоненький-то-
ненький:

Не задерживай движенья,
Проезжай без промедленья...
...Вообще для меня времена
были сказочные. Я ведь из простой
семьи: папа — шофер, мама не-
много работала на заводе, а так
всю жизнь — домашняя хозяйка.

— А вы решили стать артист-
кой?

— Я мечтала с детства. И если
бы не эта мечта, я могла бы про-
жить страшную жизнь. Лет в сорок я
встретила свою подружку по двору
— у нее не было зубов, она пила.
Такая была среда... А меня театр тя-
нул, как путеводная звезда. Я отго-
раживалась от всякой ерунды —
только книги, театр и я в нем! Люби-
ла Тарасову, Бабанову, Коонен. Анд-
ровскую — очень. Я любила только
героинь — чтобы их любили, от них
страдали.

— А вы были совсем другая
— крепенькая, здоровенькая,
простодушная и очень юная!

— Мне было 22 года. Щеки
красные, личико наивное — студент-
ка! И все делала с непосредствен-
ностью неумееющего человека.

— Пырьев на вас, наверное,
производил впечатление монстра?

— Для меня он человек талант-
ливый, как Бог. Я его боготворила.
Он был неистовый, мог кричать
сильно, но ко мне он относился
нежно. Я была тихенькая, скром-
ненькая, он понимал, что если он
хоть раз крикнет, из меня слова не
выжмешь. Он так говорил: "Деточка,
не волнуйся, побеги и скажи: "Э-
эй!". Я бежала. Он говорил: "Очень
хорошо. Давай еще разочек".

— Вот так, Вера Кузьминич-
на, бегали-бегали и проснулись
знаменитой?

— Меня на улице все узнавали.
Очень много любви было сразу. И
жизнь моя, конечно, переверну-
лась. "Сказание" снимали в Праге
три месяца, и я из замарашки вер-
нулась разодетой, как Золушка на
балу. Меня тут же пригласили в Те-
атр сатиры сразу на главную роль.
Это потом пошли всякие трудно-
сти...

— Была же Сталинская пре-
мия?

— Нам дали 100 тысяч старыми
на группу и значок каждому. Значок
был очень красивый. Но в платьях
нужно было сверлить дырочку —
жалко же! — и я сшила специально
для значка английский костюм. Он
мне очень шел.

— У Сталинской премии были
же какие-то степени?

— Это была I степени. А вторая
Сталинская премия, за "Свадьбу с
приданым", у меня III степени.

— Это похуже?

— Это похуже.

— Правду говорят, что на вас
положил глаз Берия, но вы по-
нравились Сталину, и он вас от
Берии спас?

— Это уже большие фантазии.
Я никогда не приглядывалась Бе-
рии, и у меня с ним ничего не было.

Была другая история. Меня в список
на премию не внесли — я же сту-
дентка, студенткам премии не поло-
жены. Но Сталин, рассказывают, ко-
гда смотрел фильм, спросил: "А где
нашли эту прелесть?" И меня мгно-
венно вставили в список.

— Вы таких героинь, по-мое-
му, больше не играли?

— Я не хотела на этом задер-
живаться. Может, это признание ко-
го-то и разочарует, но мне больше
не хотелось играть героинь в пла-
точках. А для глубоких ролей, о ко-
торых мечтала, я была слишком на-
ивна, безоблачна и имела мордочку,
на которой жизнь пока не написала
ничего, кроме здоровья и молодос-
ти.

— А потом предлагали?

— Меня всегда хотели видеть
только Настенькой из фильма Пыр-
ева. Предлагали здоровых баб,

шой стол, и нас сразу так много, и
все это так не похоже на мою
жизнь. Я просто понимала, что ни-
когда этого не испытывала.

— А мне казалось, что вы все
на кухне да на кухне...

— Что вы! Да я почти ничего не
умею готовить. Щи, по-моему. Мо-
жет быть, кашу. Я котлеты не умею
делать, никогда в жизни не испекла
ни одного пирожка. Для меня при-
нять гостей — это надо кого-то про-
сить все сделать. Я совсем не уют-
ное, не семейное и не домашнее
создание. Когда мы жили в общежи-
тии при Театре сатиры — там Толя
Папанов жил с Надей, Татьяна Ива-
новна Пельтцер со своим отцом, —
муж взял для меня домработницу.
Она была бывшим поваром и гото-
вила только блюда, которые считала
достойными артистической семьи,
например, взбитые сливки. Они у

— Я не пью. Если выпью глоток,
тут же хочу спать. И потом — я не
умею готовить. У меня мало воли. Я
могу поесть побольше, а потом по-
прекаю себя за то, что наелась. Но
я очень покладистая. В молодости я
искренне верила в чистую, вечную
любовь и с тех пор не изменилась.
Я думаю, что симпатии ко мне зри-
телей основаны не только на моих
ролях, но и на их чутке к моему вну-
треннему миру. Они мне верят, и
мне не хочется их обманывать. Мне
жизнь дарила очень много хороших
людей. Почти все печальные собы-
тия, которые у меня случались,
сглаживались их добротой и любо-
вью.

— У вас были ситуации, ко-
гда кто-то жестоко выбивал вас
из жизни? Например, когда при-
ходилось уступать роли?

— Когда Валечка Шарыкина во-

ская классика требует от зрителя
труда, но роль мною очень любимая.
Жаль, я готовила к юбилею бене-
фис, но денег не хватило на выпуск.
Пьеса Кокто "Священное чудовище"
с прекрасными ролями. Я — пожи-
лая актриса, звезда французского
театра. Мой муж — знаменитый
французский актер, и моя соперни-
ца — молоденькая актриса, жестоко
выбивающая меня из жизни.

— Кто победил?

— Благодаря таланту и неба-
льному восприятию этого удара
моя героиня выходит победительни-
цей. Хотя в пожилом возрасте, когда
случается такой удар, редко кто бы-
вает победителем.

— Кто ставит?

— Александр Вилькин. Я 12 лет
играла в Твери в его "Вишневом са-
де" Раневскую. Сейчас мы опять на-
чали репетировать, и это дает мне
какое-то ощущение жизни, а так я
была немножко подшиблена.

— У вас никогда не возника-
ло мысли перейти в другой те-
атр?

— Я иногда думала, что Театр
сатиры — не совсем мой театр, по
творчеству. Но здесь я очень хоро-
шо чувствую себя как человек. Это
для меня родной коллектив, а так
как я человек несмелый, то не сме-
ла бы никуда пойти. Мне было бы
страшно. Я должна находиться там,
где спокойно, даже когда огромное
количество лет проходит без ролей.

...Понимаете, после "Фигаро" у
меня десять лет не было ни одной
новой роли. Это огромное горе. По-
том появился "Восемнадцатый
верблюд" и спустя лет пять — "Вои-
тельница". Раз в месяц я езжу в
Орел играть "Без вины виноватые".
Я еду в другой город не за деньга-
ми, а за ролью. Я все-таки лириче-
ская актриса, с некоторыми сатири-
ческими нюансами. То, что меня
греет, это не совсем наш реперту-
ар. Кокто — это тоже драма, но ко-
гда я обмываю себя, это не знач-
ит, что публика не почувствует
всей моей боли и унижения. Это те-
мы, вечно трогающие людей. У каж-
дого в жизни бывают моменты ду-
шевного одиночества, но держаться
надо. Я все-таки думаю, что мои
главные горести связаны с творче-
ской недостаточностью.

— Но, может, это чем-то вос-
полняется в жизни?

— В жизни у меня ничто
ничем не восполняется. У
меня, кроме театра, ничего
нет. Наверное, я не так мно-
го заслужила. Я никогда ни-
чего не добивалась, и ино-
гда мне кажется, что жизнь
дала мне больше, чем поло-
жено. Я бы не хотела никого
обвинять, кроме судьбы и
самой себя. Детей у меня
нет. Я даже не знаю, жалею
я или нет, что нет детей.
Животных тоже. Муж не мо-
жет рано вставать, а я рано
не люблю вставать. Я не-
много ленивая, люблю по-
спать, никогда не делала ни-
каких физкультур, не соблю-
дала диет. Теперь поздно
начинать, ничего не выйдет.
Я уже привыкла, что у меня
вроде никаких забот, кроме
как пойти в театр. По-моему,
все хорошо? В общем. Кро-
ме работы. А работа... Рабо-
та — это вся жизнь.

АМЕРИКАНСКАЯ БАБУШКА, Моек. комсомолец. - 1995. - 30 сент. - с.2. БЫВШАЯ НАСТЕНЬКА

Сегодня
Вере
ВАСИЛЬЕВОЙ
исполняется
70 лет

шла в "Женитьбу Фигаро" на мою
роль, я отнеслась к этому спокойно.
Я просто понимала, что не так моло-
да для этой роли. Горе — это когда
не находится ролей. Надо очень
специально любить актрису, чтобы
найти ей подходящее.

— Я еще раз посмотрела по
телевизору "Женитьбу Фигаро",
и мне показалось, что это был
очень счастливый период в ва-
шей жизни.

— Мы все были счастливы. Плут-
чек был влюблен в пьесу. Мы все
были влюблены в Андрюшу Мироно-
ва. В Шурочку Ширвиндта. Потом
Левенталь с его дивными декораци-
ями. Слава Зайцев, который впер-
вые шил костюмы к спектаклю. Ко-
гда мы увидели его эскизы, нас буд-
то из серых будней кинули в какой-
то праздник.

— Кажется, вы все были не-
много влюблены?

— Мы все были влюблены друг
в друга. Кокетничать было легко.
Валентин Николаевич говорил: "Ты
влюблен, она влюблена, он влюб-
лен!" Слово "влюбленность" царило
и парило. Это была легкая француз-
ская влюбленность. Очарование! Мы
долго не могли оправиться от бе-
зумного горя — потери Андрея и То-
ли Папанова, и даже сейчас, когда
распределяем роли, говорим: "Эх,
если бы они были живы, как бы они
это сыграли!"

— Вы были депутатом Мос-
совета в то время — помогали
пробивать квартиры?

— И не только я. Папанов и Ан-
дрюша тоже ходили. Однажды ко
мне пришла делегация мам, жало-
валась, что высушили Патриаршью
пруды. Так я добилась, чтобы их за-
лили, и дети снова катались на
коньках. Я ведь в бумагах ничего не
понимаю — даже за квартиру запла-
тить сама не могу, муж ходит, — но
я делала то, что чувствовала серд-
цем. И сейчас уже 14 лет руковожу
социально-бытовой комиссией при
СТД. Помогаем необеспеченным ар-
тистам. Раньше у нас были детский
сад, ясли, пионерский лагерь, а
сейчас устраиваем наших детей в
чужие лагеря. Когда-то помогли ус-
троить в Дом ветеранов сцены воз-
любленную Маяковского Веронику
Полоску — она сама попроси-
лась: у нее были плохие отношения
с племянником.

— Что вы будете играть в
день своего рождения?

— "Воительницу" Лескова. Спе-
такль не совсем праздничный, рус-

председателей колхоза. Поэтому в
кино я снималась мало. Картин ше-
стнадцать у меня, да и так... ничего
особенного. Я ведь романтическая,
несовременная. Я вся в мечтах!

— А я думала, вы жизненная,
крепкая...

— Все считают, что у меня так
уютно дома, а мой муж говорит: "Ес-
ли вынести из квартиры любую вещь,
Вера даже не заметит".

— Неужели?

— Так и есть. Недавно с удо-
вольствием сыграла в кино амери-
канскую бабушку и опять оказалась
в сказочной для себя обстановке.
Там все так красиво: цветы, внуки,
дедушки, мы все садимся за боль-

нее вечно разбрасывались по стене,
и Татьяна Ивановна — она была чи-
столей — всегда говорила: "Вера,
иди убирай за своей Анной Иванов-
ной".

— Вы жили в общежитии, ко-
гда вышли замуж?

— Я вышла замуж за актера,
который играл в "Свадьбе с при-
даным" моего жениха. Ну что делать?
У моих родителей — шесть человек
в одной комнате. А в общежитии —
отдельная комната, хоть и шесть
метров. Он у меня такой любитель
красоты! Это была не комната, а
мечта. Мне очень жалко, что ему до-
сталась не та жена.

— Ну а застолья вы любите?

Наталья РТИЩЕВА.

Фото Александра ИЗОТОВА.